

Эсерская альтернатива России¹

XI.3.5. Российская демократия в 1905-17 гг.

В октябре 1905 г. либералы П.Н. Милюков, А.И.Шингарев, В.Д. Набоков, В.А. Маклаков, П.Б. Струве, С.Н. Булгаков и другие публицисты - идеологи из профессоров (были даже академики – В.И. Вернадский и А.А. Шахматов), юристов, учителей и другой интеллигенции, помещного дворянства, промышленников, служащих земского и городского самоуправления завершили образование партии *конституционных демократов* – “*кадетов*”.

Впервые в России гласно и чётко было сформулировано то, что у их предтечей – декабристов было великой *тайной* заговорщиков, – программа основных **требований демократии**: всенародно избираемый законодательный парламент; назначение и смена парламентом правительства, ответственные перед ним министры, выборность местных властей и судей, неприкосновенность личности и жилища, равноправие перед законом всех граждан без различия пола, веры и национальности, их гражданские свободы: мысли, слова, печати, совести и вероисповедания, собраний, демонстраций, союзов, партий, забастовок, передвижения, выезда за границу, упразднение паспортной системы, ликвидация принудительности крестьянской общины с её круговой порукой, законодательная защита прав наёмных рабочих, их профсоюзов и т.д.

Правда, с сохранением на английский манер формальной *монархии*, – “конституционно-парламентарной”.

Однако крестьян больше волновал “аграрный вопрос” – раздел земли, а демократию в народе тогда ценили *мало*, не предвидя, что без неё, в диктатуре не сохранить ни дарованную землю, ни волю, а их самих вновь обратят в крепостных – у госчиновников, пусть коммунистических, а непокорных – в рабов Гулага или в трупы.

Пополнить крестьянские земли кадеты мыслили за счет земель государственных, удельных, кабинетских и монастырских. Но “отчуждение” *помещичьих* земель кадеты допускали *только* в их *части*, – той, которая сдавалась в *аренду*, и за *выкуп* – по “справедливой цене”.

¹ Две главы из книги: **Леонард И. Браев. Необходимость и свобода. Начала нецеситной социофилософии.** Изд. «Салика», 2013. - 652 с. Изд. 2-е, испр. и доп. (1-е изд. «Стезя», 1993)

Для нерусских народов “неделимой империи” кадеты полагали лишь “**культурно-национальную автономию**”, - в частности, право начального образования на родном языке, а дальше – “по возможности”, а государственная автономия предусматривалась лишь для Финляндии, где она уже существовала, и для Польши, где она была раньше.

Идею социализма в России кадетский журнал “Освобождение” и сборник “*Вехи*” критиковали как утопию, а реальным сейчас считали развитие капитализма. Здесь во всем явны их классовые пристрастия, сохранения преимуществ своей нынешней доли собственности.

После осенней всероссийской стачки и провозглашения царским манифестом гражданских свобод и цензового избрания Думы кадеты стали там главенствующей партией – вместе с отколовшимися от них “октябристами” (“Союз 17 октября”), партией крупных буржуа и дворян во главе с помещиком Д.Н. Шаповым и банкиром А.М. Гучковым.

В 1906 г. в кадетской партии было до 50 тыс. членов, в 1913 г. около 10 тыс., а в апреле 1917 г. она вновь выросла – до 70 тыс.

Но на деле в первых двух Думах министры так и остались ответственными *только перед императором; высочайшей волей они назначались и ею же смещались*. Это противоречие постоянно было источником упрямого конфликта между кадетской Думой и царским правительством и кончилось в феврале 1917 г. падением упрямой монархии.

В экономически среднеразвитой стране, со слабой и разрозненной стратовой базой демократии – русские либералы испытывали привычный *страх* перед самодержавием, но одновременно долго видели в нем единственную *защиту* от ненависти люмпенов и кровавых потрясений. Либеральное дворянство трепетало за свои поместные хозяйства; промышленники боялась лишиться гос. субсидий и дешевой рабочей силы маргиналов – в случае победы либералов и меньшевиков с их идеями профсоюзов и рабочих прав. Поэтому кадеты звали монархию и буржуазию к компромиссу. Но их исключаящая рознь с *феодальной* частью поместного дворянства и бюрократии сделала компромисс невозможным, и, когда к 1916 г. царизм своей косностью и бессильной военной политикой полностью себя дискредитировал, даже кадеты от него отвернулись – и он легко пал.

Главные в Думе кадеты и сформировали первый состав Временного правительства, получив в нем пять портфелей из 11, и объявили своей задачей “довести” страну до Учредительного собрания.

Но отсутствие у либералов - демократов массовой социальной базы и поэтому их робость как перед феодальным дворянством, так и перед люмпенством обусловили их растерянность, *нерешительность* и *непротивленчество* – попустительство разложению армии и тыловых частей. Хотя время от времени, например, на Московском государственном совещании в августе напыщенный позёр и фразёр Керенский, своим наивным приказом №1 лишивший армейских коман-

диров власти, издавал грозный рык налево и направо, под гром аплодисментов обещая пресечь антинародные выступления “железом и кровью”.

Русская интеллигенция готова была выбирать только между хорошим и плохим, но не между плохим и худшим, что было в реальности. Если демократия, то никакого ущемления ничьих интересов и никакого насилия – до анархии; свобода даже врагам демократии, готовящим диктатуру. Такое *прекраснодушие* и погубило тогда русскую демократию и обрекло страну на 70 лет страшной диктатуры.

Когда по всей стране росли всевозможные Советы и комитеты, – так сказать, “социалистическое общество”, но кроме редких кадетов, почти не было объединений буржуазии, интеллигенции и профсоюзов – “гражданского общества”, должно быть потому, что они привыкли пассивно ждать всего сверху, от чиновников государства.

Для смягчения продовольственного кризиса в снабжении воюющей армии и городов кадеты привлекали на сельхозработы тыловые воинские части и около полумиллиона военнопленных, ввели *карточную* систему, увеличили закупочные цены и закупки по импорту мяса, рыбы и др. продуктов. Они продолжали бюрократическую затею ещё *царских* властей 1916 г. – *продразверстку*, *принудительное* изъятие, “*реквизицию*” по деревням “излишков” зерна по “твёрдым ценам” (то есть по заниженным) *воинскими продотрядами*. Но с такими же всё меньшими успехами. Нарастали развал армии, особенно запасных гарнизонов, не желавших идти на фронт, развал транспорта, дефицит, многочасовые очереди, цены, беспорядки и общее недовольство.

Но в угоду трепетавшим за свое добро либеральным дворянам и буржуа и ради военной победы они вопреки своим заявлениям на деле гибельно *откладывали* заключение мира и земельную реформу – до Учредительного собрания, тоже оттягиваемого... – и в результате утратили в народе влияние и *потеряли всё*. И за своё упорство попали из палат Зимнего дворца в казематы Петропавловки.

Благодаря их медлительности вперёд вырвались самые нетерпеливые оголтелые демагоги, которые бесшабашно обещали всем всё и немедленно: мир, землю, заводы, власть, национальную независимость (На деле не собираясь никому ничего давать: пустите нас только дорваться до власти – и мы установим диктатуру пролетариата и все отберем назад, – обобществим для коммунизма).

Тем не менее, большевики не могли рассчитывать на поддержку большинства населения. Даже в ноябре 1917 г. они не собирали и четверти голосов, зато были активны. Поэтому-то в октябре Ленин и призывал столь настойчиво “не ждать” съезда Советов: он понимал: съезд не поручит большевикам формирование правительства – и требовал свергнуть Временное правительство *до* съезда (т.34, с.266, 281), чтобы, опираясь на силу, диктовать ему свои решения.

Главной их опорой стали озлобленные люмпены и солдаты гарнизонов и запасных батальонов, которые разложились за время керенщины и добивались роспуска по домам. За эти отпуска до времени они то и обеспечивали в начале 1918 г. «триумфальное шествие» большевиков к власти по городам и губерниям.

Летом 1917 г. кадеты собирали уже всего 13-17% голосов, меньшевики ~ 4%. В отчаяние в августе большинство руководства кадетов поддержало призывы военных восстановить дисциплину в армии (смертную казнь на фронте и в тылу, на железных дорогах), запрет Советов и установление в стране *«временной военной диктатуры»*.

Так что главковерх Л. Корнилов, вполне лояльный, вовсе не устраивал никакого «заговора и мятежа». Керенский сам пригласил генерала с дивизиями для обещанного «наведения порядка» в столицу, да потом испугался протестов слева, отмежевался от него и вооружил отряды большевиков – и очень вовремя, как раз когда те готовились его свергнуть, что и стало началом его собственного конца.

В Учредительном собрании 60,5% получили социалистические партии, в том числе ~ 55% – эсеры (включая 5% левые), а большевики ~ 23% и всего ~ 15% кадеты.

Впрочем, и большевики были прекрасодушны в своих мечтах, только циники в средствах: долой капитализм с его возмутительными несправедливостями, вместо него будет идеальное общество, где никаких изъянов, но ради него сейчас допустимы любые подлости и жестокости.

И. Гельфман (Парвус) и Л. Троцкий, с их сторонним неприязненным взглядом, еще раньше Ленина, в 1905 г., смекнули, что в России у авантюристского диктаторского *меньшинства* есть *шанс* захватить власть, потому что ее крестьянство *антиполитично* и неорганизовано, а буржуазия слаба и тоже патернальна.

Однако, как видим, октябрьский переворот был делом вовсе не «кучки революционеров», а итогом *массового* народного движения за мир и землю. Но использовали его и возглавили не эсеры и меньшевики (хотя вполне могли), а большевики, ради завоевания себе популярности демагогически обещая всем всё, а навязали «красный террор», «военный коммунизм», гражданскую войну и свою партийную *бюрократическую диктатуру* под прикрытием Советов.

А кадеты и меньшевики даже в начале 1918 г. ничего не предпринимали в какой-то обреченности и покорности судьбе, будто ждали, что *кто-то другой* организует власть, как раньше это делали дворяне. И заводчики, и обыватели, когда их по ночам хватили и расстреливали чекисты, днем ворчали, пили чай на веранде и прогуливались по улицам.

Кто в таких условиях возьмет верх, нетрудно предвидеть.

XI.3.6. Эсерская альтернатива России

История не имеет вариантов (“сослагательного наклонения”) – для потомков, потому что нам в прошлое не вернуться. Но для современников их *актуальная* история, в настоящее время, вся состоит из вариантов – разных **возможностей**, и потому она для нас крупно меняется иногда даже от мелочи.

Никакой предопределенности и неизбежности пришествия большевиков к власти не было. Весы гражданской борьбы лихорадочно дергались вверх и вниз.

Как не было в 1917- 20 гг. возможности и “диктатуры контрреволюционной военщины”, корниловской, колчаковской или деникинской, – как иногда допускают с прозрачной апологетической целью: не будь, мол, большевистской диктатуры, была бы белогвардейская.

Стратовой базой военной диктатуры могло служить только поместное дворянство и старая бюрократия. Стоит только таким образом прояснить социальное содержание слова “военщина”, как становится явной невозможность ее победы в 1917 г., и причины ее поражения в 1918 - 21 гг.: не было уже у нее массовой опоры: и крестьяне, и горожане были против. Офицеры и чиновники Колчака и Деникина своими реваншистскими бесчинствами лишь отталкивали от демократии население и солдатскую крестьянскую массу.

Не было альтернативы исключительно диктатур – либо белой, либо красной. Единственной реальной альтернативой большевизму было торжество тогдашнего большинства населения – *крестьян*, а с ними и профессиональных рабочих и интеллигенции, следовательно, *эсеров*.

Сами по себе крестьяне показали неспособность организовать в самостоятельную политическую силу. Они, по свидетельству Н. Махно (с.165), создавали самоуправление *местное*, но не общегосударственную организацию. Для государственной организации нужна партия, и она у них была – эсеры, но они были рыхло организованы, колебались и действовали нерешительно и недостаточно.

В 1917 г. эсеры не блистали таким по-немецки внешне педантичным (и, тем не менее, завиральным) учением, как марксизм большевиков. Но их идеология тоже была вдохновенной. Она включала демократию кадетов: всеобщие выборы парламента и судей, гражданские свободы и т.д., 8-ми часовой рабочий день, рабочее законодательство; но исключала кадетское охранение своих классовых преимуществ собственности и места, отстаивала прогрессивный подоходный налог, революционный передел среди крестьян также и помещичьей земли (“социализация земли”) и автономию областей.

И эсеры тоже выступали за выход страны из войны, ничего хорошего не дающей трудящимся; но не как большевики, – не на любых условиях. И особенно две основные практические идеи их “**крестьянского**

социализма”: земля и самоуправление – трудовому народу, – были привлекательны для большинства народа, и в частности, крестьян, нынешних и вчерашних, крестьянской интеллигенции (а тогда это ~ 2/3 от её общего числа) и сделали эсерскую партию самой популярной: почти миллион членов и несколько миллионов сочувствующих. В неё записывались целыми ротами, сёлами и фабриками. Более 55% депутатов Учредительного собрания. По-современному говоря, рейтинг эсеров был почти **втрое** выше, чем у большевиков.

Однако, будучи самыми влиятельными в народе, эсеры постоянно уступали власть другим. Не думаю, что от робости. В 1905 году они *возглавляли* всю революционную бучу: и демонстрации, и террор, и экссы, и погромы усадеб, и восстания. Но в 1917 они медлили, по видимому, как характерно для демократических натур, по недостатку карьеризма, страсти к власти и по успокоенностью как раз своей популярностью. Торжествовали бы прекрасные идеи в жизни.

После февральского падения самодержавия эсеры уже к лету 17 г. возглавили крупнейшие Советы и фактически получили в стране власть, однако *не* использовали её для реализации своих программ и вывода страны из кризиса (XI.3.5), а “на время”, до Учредительного собрания, *передоверили* её Временному правительству, долго не замечая, что его кадетские лидеры связаны “долгом чести” с поместным дворянством и бюрократией и оттого “не имеют политической воли” ≡ не желают ничем поступиться: ни помещичьими землями, ни своими чинами и постами, ни Дарданеллами, – и ради того целых восемь месяцев (!) *оттягивают* проведение общенародных выборов новой легитимной власти, – себе на голову упуская драгоценное время.

И не только правые эсеры, но и центрист В.М.Чернов, их ведущий идеолог, после апрельского народного возмущения воинственностью кадетов (вслед за главой Петросовета А.Ф. Керенским) тоже доверчиво вошел обновлять коалиционное Временное правительство, надеясь провалить в нем собственную земельную программу, и только убедившись в бесперспективности своих усилий: ему там без конца ставили препоны, – министр вышел в отставку.

Только **левое крыло** эсеров (лидеры М. Спиридонова, Б. Камков (Кац), народник М.Натонсон (Бобров), А. Колегаев и др.) требовало немедленного выхода из войны и, не откладывая, поддерживало крестьянские дружины, а его “военная организация” работала в армии.

Растущее возмущение в эсерской партии своими правыми, их лелеяньем пустых надежд на кадетов довело её до *раскола* – отделения левого крыла в самостоятельную партию левых эсеров – ПЛРС.

Они шарахнулись на союз с большевиками, – участие в ВРК и октябрьском восстании 25.10 (7.11) 1917 г. Но и здесь, тоже имея превосходство, они уступали большевикам, соглашаясь на роль младших партнеров и предавая реализацию собственной программы.

Глупый протестный уход со II съезда Советов эсеров (правых) и меньшевиков только развязал большевикам руки и во ВЦИК съезда вошли одни большевики (62) и левые эсеры (29), а его правительство Совнарком стало целиком (на 100%) большевистским, однопартийным, так как левые эсеры вообще отказались войти в него, поскольку на съезде крестьянское *большинство* страны вообще никак *не* было представлено! И только в декабре, когда профсоюз “Викжель” потребовал общего “социалистического правительства”, под угрозой всеобщей забастовки железных дорог и блокады столиц левые эсеры были включены в Совнарком (но явно в непропорциональном меньшинстве – всего семеро) и во ВЧК.

Большевики и эсеры во ВЦИКе и СНК изначально стали в контры. Да и как могло быть иначе? Эсерский раздел земли и **самоуправление** сельских общин, трудовых коллективов и областей в форме Советов (“анархо-синдикализм”) большевики поддержали только в качестве *временной и обманной* тактической уступки ради захвата власти. Они хотели вовсе не самоуправления свободных граждан, а строили *централизованную бюрократическую* организацию с декретными планами и распределением, но *запретом* торговли. А эсеры связи между работниками представляли через свободную торговлю и выступали против продразверстки и сверху задаваемых производственных планов. По эсерам, самоуправление через выборные Советы должно вытеснить диктатуру, а для большевиков Советы были формальным прикрытием государственной *диктатуры их партии*.

Эсеровская программа объединяла Россию – и как раз утверждением свободы личности, самоуправления и автономии областей. А большевики раскалывали общество как раз их претензией управлять остальными помимо их воли – путем централизованной диктатуры.

Так что союз левых эсеров с большевиками был их недоразумением. Даже от кадетов их отличал главным образом передел земли, а в остальном у них общего было гораздо больше.

Особенно обострились эти раздоры с марта 18 года после заключения Брестского мира. То, что привело большевиков к власти – разложение армии, стало причиной их кризиса и едва не стало концом.

На переговорах в Бресте Л.Троцкий методом их затягивания играл на потребности Германии срочно перебросить войска с восточного фронта на гибнущий западный, но всю игру ему испортил Ленин своим несвоевременным ультиматумом Киевской Раде о немедленном признании СНК, чем испугал сепаратистов и толкнул их под крыло немцам. Те увидели, что националы Украины и Прибалтики льнут к ним, когда у большевиков войск нет, и потребовали их аннексии.

Большевики не имели вооруженных сил воевать, так как и пришли-то к власти как раз благодаря разложению армии и роспуску её по домам, а на всенародную любовь к своей диктатуре не могли рассчиты-

вать. Поэтому ради спасения своей узурпаторской и первоначально хилой власти готовы были продавать родину. Напротив, эсеры даже до воссоздания регулярной армии могли рассчитывать на массовую подпольную и партизанскую войну (с фронта народ бежал с оружием), – отечественную, – увязнуть в которой Германия, уже истощенная и терпящая катастрофу на западе, не имела сил.

Поэтому эсеры (да и “левые коммунисты”) решительно отвергали “похабную” Брестскую “капитуляцию”: потеря половины пашни страны, трети населения, 80% добычи угля и железа, выплата 6 млрд. золотых марок – вот вам и демагогия о мире без аннексий и контрибуций! В Бресте вы отдали братскую Украину и Новороссию на разграбление немцам, тем спасли германскую империю от краха – мало-мало на год, – но утяжелили реквизиционную нагрузку на деревни северной России и усугубили продовольственные бедствия её городов.

Эта антинародная политика вызывала общее негодование населения страны и даже застрывших в ней в войну иностранцев. В итоге полки из пленных чехов летом 1918 г. восстали против большевистских властей и вместе с эсерами отрезали всё Среднее Заволжье и Сибирь. На юге отложились казаки Дона и Кубани.

В январе 18 г. большевики смело арестовали кадетских депутатов Учредительного собрания, а затем лихо распустили и весь парламент. Их недалкий ум не заботило, что от *запрета* дебатов и поиска согласия в залах социальные раздоры волшебным образом не исчезают, а только переносятся на улицы и поля сражений, – и получили Белые армии на юге и востоке России.

Большевистские рабочие *продотряды* встречали в деревнях все более ожесточенное сопротивление в отчаянных восстаниях и добывали хлеба все меньше и всё с большими жертвами, – в тысячи убитых продотрядников. За зиму 18 года зерна собрали всего 200 тыс. тонн, – на один миллион скудных пайков. Хватило бы на свои “столовые”.

Не помогали никакие большевистские совершенствования старой бюрократической затеи. Чтобы найти спрятанный хлеб, в обмен на его часть привлекали доносы бедноты и передавали власть от выборных Советов комитетам бедноты, “комбедам”. Частную торговлю запретили. Города окружили по заставам *заградотрядами*, которые обирали и расстреливали несчастных “мешочников”, менявших в деревнях последнее добро на съестное для семьи. Города голодали и пустели – население разбегалось. Разгоралась настоящая война за хлеб.

На V съезде Советов 6 июля 1918 г. левые эсеры имели бы подавляющее большинство, если бы не мирились с искусственным занижением нормы представительства от крестьянских Советов (*внятеро* ниже, чем от рабочих), – в результате чего левоэсерская делегация стала вдвое меньше большевистской (350 против 773).

На бурном заседании в Большом театре левые эсеры гневно обличали большевиков и требовали разрыва Брестского мира, ликвидации комбедов и “продовольственной диктатуры”.

В их распоряжении был особый отряд ВЧК под командованием левого эсера Д.И. Попова в 800 бойцов из матросов и финнов с пулеметами, броневиками и несколькими орудиями. На стороне эсеров были **все** (!) воинские части Москвы, ни одна не хотела исполнять приказы большевиков. У эсеров были пропуски для свободного прохода в Кремль. Все возможности арестовать большевистское руководство – хотя бы за предательскую Брестскую капитуляцию, антисоветские комбеды и подтасовку представительства на съезд.

И на этом кратковременная эпопея большевистской диктатуры тогда бы и закончилась. Как во Французской революции еще короче был заговор их единомышленников – бабувистов.

Услышав о выходе левых эсеров на съезде, Ленин понял это, стал лицом блее бумаги. Большевистские вожаки сидели в растерянности.

Даже латышская дивизия, казавшаяся им надежной, оказалась ненадежна и, боясь, что под эсерской агитацией и она тоже легко перевернется на их сторону, Ленин согласился на её использование только по безвыходности и в сопровождении аж четырех комиссаров.

Но и без латышей эсеры имели в московском гарнизоне многократный перевес военных сторонников.

Но эсерские вожаки повозмущались – попротестовали, но и не подумали наступать – арестовать большевиков, а сели в штабе, ограничились тем, что для самозащиты взяли в заложники Дзержинского, явившегося к ним якобы в поисках убийц немецкого посла Мирбаха.

Так вместо ареста большевиков, они отдали под арест сами себя – без малейшего сопротивления. Может быть, в ожидании такого же благородства от союзных товарищей противников? И были расстреляны. 13 человек тут же немедленно, без суда и следствия. А остальные эсерские вожди посажены на год в тюрьму и репрессированы позже.

Но разгром “эсерского мятежа” (Если бы. Вернее, протеста на коленях) не стал большевистской победой. Всё их ужасное положение осталось с ними и остался страх, какого они натерпелись в тот жаркий июльский день, когда *все* были злы против них, никто не хотел им подчиняться и единственно от милости этих проклятых рохлей и пентюхов – эсеров зависело, остаться ли им в Кремле или – попасть в Бутырку. А то и на столбы?

Страна уходит из-под ног. Кругом бойкот и отступления. А умирать не хочется. И как бывает, гиблая ситуация обернулась тайной грызней в верхушке. Авторитет Ленина в их глазах пал до ноля. Это он виноват. Втравил нас захватить власть, а что теперь делать, не знает. Он уломал нас на проклятый Брестский мир, накормил Германию – и где

теперь мировая революция? Где от неё помощь? – поносили Старика тайком. (А в народе надо поддерживать веру). Зрел заговор.

30 августа грянул выстрел в Ленина. Но стреляла не полуслепая эсерка Ф. Каплан (видимо, подставленная для отвода глаз), а какой-то мужчина. (“Поймали *его?*” – спрашивал раненый вождь.)

Должно быть, это был заговор среди самих большевиков – во главе председателя ВЦИК и кадровика Свердлова (вскоре вдруг умершего от гриппа - “испанки”, но почему-то весь в бинтах), может быть, Троцкого и при попустительстве Дзержинского (левого коммуниста). Для их власти было выгодно устранение Ленина.

В первые месяцы после октября 17-го большевики были неуверенны и осторожны, но теперь в ужасе единственное спасение для себя они видели в расстрелах налево и направо – и ВЦИК и СНК рождали чудовищные постановления: 5 сентября – о “*красном терроре*” – административных расстрелах без суда – не по вине людей, а просто по их категории (“классовой принадлежности”): *всех* купцов, *всех* попов и т.д., о создании *концлагерей*, о расстреле за поражение даже командиров и комиссаров. От всей этой свирепости веет их собственным смертельным страхом.

Однако и это глупое поражение или упущенная победа эсеров, конечно, не стала их концом. На местах остались сотни тысяч их единомышленников и соратников, пусть в подполье. Невидимые бойцы еще опаснее. Даже в разгар гражданской войны отстранение ожесточенных и бесшабашных большевиков и спасение от их тоталитарной диктатуры было в руках эсеров.

И у них оставались ресурсы для победы. Порой неожиданные.

Их первым верным ресурсом была ***Белая армия***.

Да, идеологией и часто командованием в ней долго заправляли политические банкроты, псевдокадеты из поместных дворян и старых бюрократов, посредственности из того же Временного правительства, ради своих чинов ревниво затиравших молодых и более способных офицеров, вроде Я.А. Слащева или П.Н. Врангеля. Безумные попытки самочинных карателей возврата себе поместий, мстительные порки и расстрелы крестьян только отталкивали их к большевикам.

Но ведь за 80% белых офицеров и рядовых не имели ни поместий, ни капиталов, а были мобилизованные ещё в мировую войну обычные разночинные интеллигенты и студенты, как их описывают А.Куприн или М. Булгаков, а по убеждениям и часто по партийности – эсеры.

Кстати, обычно такие же, каких призывали и в Красную армию, отчего большевики им и не доверяли, брали их семью в заложники и при каждом для пригляда ставили комиссара. Да и сам Деникин происходил из крестьян и разрабатывал для белых проект аграрной политики.

Почему же эсеры считали важным вести и вели политическую работу в царской армии, но пренебрегали ею в Белой? Они имели реаль-

ную возможность просветить и организовать это своё проэсеровское большинство офицеров и солдат, с их помощью очистить Добровольческую армию от позорящих её элементов, провести в ней свою эсеровскую программу, самую популярную в России, таким путём привлечь народ на сторону обновлённых белых и победить.

Летом 1918 г. эсеровскому правительству в Самаре вызвался служить даже монархист по идеалам, наследственный офицер В.О. Каппель, всегда близкий к солдатам и крестьянам, – и не из страха за семью в заложниках, а за совесть – и с небольшим отрядом в 350 бойцов (две роты пехоты, кавалерийский эскадрон и конная батарея из двух орудий) лихо отвоевал Симбирск, Казань и всё Среднее Поволжье.

Белые потому и потерпели поражение, что не отмежевались от феодальных помещиков и бюрократов, даже в 1919 г. остались псевдокадетскими, но *не* стали проэсерскими. Всё стратовое и идеологическое межевание они *снова откладывали* на потом, – на “после победы”, для Учредительного собрания.

Идеал – главное оружие в гражданской войне. Но у белых была всего лишь реставрация “порядка” (старого) и никаких привлекательных для народа целей. *Безидеальность*, оттого деморализация и казнокрадство в собственных рядах – вот причина их поражения, несмотря на все их отчаянные героические усилия. Их поражение было сначала политическим, а уж потом и потому военным.

Настоящей массовой поддержки в населении белые не имели; а поэтому их малочисленные и порой полуголодные и полураздетые войска оставались **без обеспечивающего тыла и без пополнения** своих боевых потерь новыми бойцами. А попытки мобилизовать в солдаты крестьян оборачивались их дезертирством или переходом таких частей на сторону красных, часто вместе с оружием и захваченными офицерами. Конечно, из Красной армии тоже бежали, более 2,5 млн. дезертиров, но всё же много и оставалось, поскольку о будущности “национализации” (огосударствления) земли и коллективизации большевики тогда благоразумно помалкивали; да рядовые партийцы о таких тонкостях программы и сами не ведали.

Из-за отсутствия массовой поддержки в народе проваливались и прокадетские заговоры и восстания, такие как июньское 1918 г. в Ярославле, организованное с участием эсера авантюриста Б.Савинкова и его боевиков и только повлекшее тысячи напрасных жертв.

Единственная массовая база у белых нашлась в части ущемлённых большевиками казаков с их сословными земельными привилегиями за трудную военную службу на диких границах. Но эта база была недостаточной. К тому же, как крестьяне, казаки были заскорузлыми областниками, целое их мало заботило. Каждое казачество: донское, кубанское, терское, уральское, семиреченское, забайкальское, уссурийское – держалось само по себе, а то и заявляло о выходе из “неделимой” России и не

подчинялось ни Колчаку, ни Деникину, а помогало им только по доброму желанию и далеко не всегда.

Вот почему в Сибири, где не было ни малоземелья, ни большевистских комбедов, эсеры были популярны в городах и на заводах (Ижевска, Воткинска, Иркутска), но крестьяне были к ним безразличны, а казаки даже враждебны и помогли кадетским офицерам свергнуть эсеровский Комитет Учредительного собрания, КОМУЧ и поставить правителем адмирала Колчака, который в угоду казакам отменил советские (≡ эсеровские) декреты о разделе земли и издал указ о её возврате прежним собственникам с компенсацией их убытков.

Под свою единственную идею – “наведения порядка” А. Колчак, тоже аполитичный, сумел мобилизовать 150-тысячную армию. Но это был его потолок. И ту он не имел ресурсов обеспечить ни продовольствием (несмотря на все реквизиции, возмущавшие крестьян), ни вооружением, ни пополнением. А таких сил для победы было мало.

Если бы эсеровскую земельную реформу Врангеля белые начали не так поздно в 1920 г. в маленьком Крыму, а хотя бы в 1918 г., то все симпатии населения и победа склонились бы на их сторону.

Так что также и на эсерах лежит вина за поражение антибольшевистского движения. Это они не отобрали его у феодального дворянства и старой бюрократии и не взяли его на себя.

Другим верным ресурсом эсеров были “зелёные”, повстанческие партизанские отряды и армии, защитники крестьян как от белых, так и от красных и обычно проэсерские. С мая 1918 по 1921 г. по всем губерниям полыхали крестьянские восстания против комбедов и большевиков; от военного призыва уклонялось 80% мужиков, а мобилизованные, захватив оружие, бежали в леса, соединяясь в отряды в десятки, а то и сотни тысяч бойцов. И только террор белых заставил около миллиона дезертиров (“прощенных”) вернуться на время в Красную армию, чтобы к 1921 г. вновь бежать из нее.

Кто вёл эти зелёные армии? “Благородный разбойник” эсер Г.И. Котовский в Молдавии, левый эсер подпоручик Н.А.Щорс на Черниговщине, анархист Н.И. Махно и левый эсер атаман Н.А. Григорьев в Новороссии, легендарный командарм 2-ой конармии и враг Троцкого (за “расказачиванье”) Ф.К. Миронов на Дону, командир питерского добровольческого отряда на Средней Волге эсер М.А.Муравьев, председатель Союза трудового крестьянства поручик П.М. Токмаков и эсер А.С. Антонов на Тамбовщине, сельский плотник комдив В.И. Чапаев в Приуралье, главком крестьянской красной армии Е.М. Мамонтов на Алтае, агроном А.Д.Кравченко на Енисее, сельский плотник штабс-капитан П.Е. Щетинкин в Приморье и многие другие народные любимцы, не столь прославленные.

Но эсеры то и дело уступали их влиянию большевиков, которые использовали их вражду к белым и прельщали своими обычными обе-

щаниями всего на свете, орденами, званиями комдивов и командармов, но всегда их опасались и исподтишка устраивали им “случайную гибель” от пули “неизвестного” в затылок или обвинение в измене и расстрел. Быть народным героем при большевиках было опасно.

И еще несчастнее – эсеры оставили зелёных разрозненными. А что стоило повстанцев объединить в боевой кулак своими эмиссарами и общим командованием и координировать шифровками, имея сочувствующих телеграфистов на всех железнодорожных станциях? Стать решающей силой? Упущение этой возможности – тоже их вина.

А ведь роль зелёных в исходе сражений гражданской войны не раз была решающей. Когда 30 сентября 19 г Добармия взяла Воронеж, а 13 октября – Орёл и подступала к Москве, Ленин собрал в Кремле секретное совещание по эвакуации правительства в Вологду и переходе партии в подполье. Но рейд тачанок и кавалерии Махно по тылам ВСЮР отвлек часть сил белых на юг и тем спас большевиков.

И не последний ресурс эсеров – сама *Красная армия*.

Ведь она была мобилизована тоже из тех же крестьян, рабочих и интеллигентов и большинство в ней тоже было настроено проэсерски – втайне. Недаром большевики никому в ней не доверяли, приглядывали комиссарами, а семьи держали в заложниках. А когда в 1920 г. белая опасность исчезла, недовольство стало явным, а эсерские лозунги: “Долой продразверстку!” “Свободу торговли!” “Власть Советам, а не партиям!” “Советы без коммунистов!” – общими.

Также как тогда в начале 1921 г. за них сражались крестьянские восстания и ими бродили голодные и бастующие Москва и Питер.

И если бы в марте 1921 г. кронштадтские проэсерские “мятежники” не заперлись “обороняться” в крепости, совсем такие же пассивные, как в Москве в июле 1918 г., а наступали – послали свои отряды в другие воинские части и в столицы, песенка большевиков была бы спета.

Но и после разгрома кронштадтского “мятежа”, не уступи твердокаменные эсерам в экономике, промедли с отменой продразверстки, с разрешением свободной торговли и частной собственности – НЭПом, повсеместно взбунтовалась бы – “изменила” уже Красная армия. А так сохранили хотя бы политическую власть и крупную госсобственность, правда, отпущенную на рыночный хозрасчет предприятий, трестов и синдикатов. Не забыл прозорливый холодный ужас жаркого июля 1918 года, когда никто не хотел им подчиняться.

С чего большевики начали, тем и кончили. А что бы уступить ещё в 18 году? Для чего три года лили кровь?

Итог гражданской войны стал двойственным. Страна получила не победу эсеров, а *контрфорс*: внизу торговля, радующая народ, а сверху затаился в тоске зверь сложившейся бюрократической партии, диктаторской коммунистической утопии с карательной машиной ЧК - НКВД, собираясь с силами и мыслями: почему эксперимент не удался? что делать

дальше? И между этими силами всё время кипела скрытая борьба на уничтожение, потому что одно исключало другое, – и в 1928 году зверь ринулся в новый реванш – сталинизм.

Победа эсеров обеспечивала расцвет России. Без большевистской партийной диктатуры Советы развились бы в полноценную демократию. Не было бы никакого свертывания рынка и новой бюрократизации экономики, не было бы десятков миллионов жертв НКВД и ГУЛАГа, никакой насильственной коллективизации и авральной индустриализации с их чудовищными жертвами, но, как в других странах, росли бы нормальные кооперативы и ещё долго сохранялись бы нэповские темпы экономического роста ~ 19% в год, рывок втрое за пять лет, – “русское чудо”, – и страна бы, в самом деле, догнала бы и обогнала некоторые самые развитые страны.

В демократическую Россию без опасений стали бы возвращаться два миллиона вынужденных эмигрантов, в большинстве специалисты мирового уровня. Среди них такие звезды нашей науки и искусства, как знаменитый химик В.Н. Ипатьев, изобретатель телевидения инженер В. К. Зворыгин, авиаконструктор, изобретатель вертолётов И.И.Сикорский, певцы Ф.И.Шаляпин и Н.В. Плевицкая, танцоры и балетмейстеры А.П. Павлова, М.М. Фокин, Дж. Баланчин, музыканты С.В. Рахманинов и С. А. Кусевицкий, художники К.А. Коровин, А.Н. Бенуа, З.Е. Серебрякова, сотни писателей, тысячи университетских профессоров, учителей, врачей, экономистов, компетентных предпринимателей и военных специалистов. А сколько миллионов тружеников страны не было бы расстреляно или сгноено в концлагерях? А среди них сколько талантов не сгинуло бы в неизвестность?

Демократическая рыночная Россия обрела бы не враждебное окружение стран Антанты, а лояльность и поддержку. Скорее всего, тогда не было и никакого катастрофического гитлеровского вторжения.

Что мешало эсерам победить?

Как видно из нашего аналитического обзора, решительно никаких непреодолимых объективных препятствий не было. Напротив, много раз удачные обстоятельства сами плыли баловням в руки, так что от них не требовалось и никакого особого ума, только **действуй**.

Светлые перспективы России упущены всего лишь по трём *субъективным* древнерусским “добродетелям” (VIII,1.4), которыми россияне привыкли в себе насмешливо гордиться, но страдали эсеры:

- 1) *Доверчивость*. (Сами в себе мы это ругаем простофильством).
- 2) *Нерешительность* (сомнение в своих силах, “скромность”).
- 3) *Нерасторопность* (мешканье и лень).

Бесспорно, у менталитета тоже есть свои *объективные* причины.

Но всё-таки душа не материальна – и понимание гибельности её изъянов вполне позволяет их в себе одолевать.

Чтобы, гордясь, жить в стране свободной и богатой, процветающей и счастливой, стоило побороть в себе эти простофильство и нерасторопность. Чтобы есть калачи, надо слезть с печи.

И это было возможно. Как тогда в начале XX века эти “доблести” “загадочной русской души” вполне отряхнули с себя большевики. Тоже ведь россияне, той же страны, только иного опыта иной страты, – маргиналов и люмпенов, ожесточенных и бесшабашных.

Это их энтузиазм великой мечты и трезвая расчетливость и воля позволяли им десятилетиями авантюризма, коварства и жестокости побеждать, кажется, в самых безнадежных ситуациях. В которые, впрочем, они сами же себя без конца десятилетиями и загоняли.

Хотя, как ни удивительно, серьёзный ресурс для эсерской программы – ограничение демократией и земельной реформой – таился даже внутри самой РКП(б). “Монолитное единство партии” пропагандировалось для устрашения врага; на самом деле, она никогда не была однородной, а раздиралась злой борьбой фракций (VII,2.3). К эсерскому отрицанию Брестского мира и умиротворению на НЭПе тяготели “левые коммунисты”, из наиболее влиятельных – Бухарин, Дзержинский, Фрунзе, Рыков и Томский. Но в интригах они по своему полуэсерскому же добродушию проиграли сталинистам и страшно погибли. Несмотря на то, что и сам Ленин в конце жизни колебался.

В России НЭП длился всего только семь лет. “Всерьёз и надолго” не получилось. Но в Китае Джо Энлай и Дэн-Сяопин сумели тихо отстранить маоистов, а их преемники уже более тридцати лет политикой управляемого рынка обеспечивают завидные экономические и социальные успехи Поднебесной. Продлись рынок у нас дольше, вероятно, сбылись бы прогнозы экономистов начала XX века: по душевому производству Россия стала бы самой богатой страной в мире.

Но в итоге своих “побед”, перерожденные привилегиями наши коммунисты, в конце концов, убедились, что “общественная собственность” – на деле всего лишь собственность госчиновников, ворочающих всем в стране и ублажающих себя миллиардерскими привилегиями. А остальные и, в самом деле, не имеют никакой частной доли, а потому рабы госчиновников, целиком зависимы от них и могут быть по их воле лишены всего: работы, стало быть, пищи, жилья, семьи, передвижения и жизни.

Да и сами госчиновники – рабы своей иерархии и в любую минуту по прихоти сверху тоже могут быть отвергнуты и лишены всего. И эта неволя все больше заражала их жаждой приватизации госсобственности в свою собственную долю.

Коммунисты обнаружили себя в безнадежном историческом тупике: халтурная работа только по приказу сверху, даже абсурдному, и ради отчета, даже ложного, без собственной инициативы, без демократических рыночных стимулов и регуляторов – и тут, наконец, поняли крах

своего грандиозного проекта *бюрократического диктаторского коммунизма*. И теперь их былая коварная расчетливость вдруг стала именоваться дурью, а эсхатистская “железная воля” – фанатизмом.

Если бы выборы в Учредительное собрание проводились не в ноябре 1917 г., уже *после* проэсеровских земельных декретов Советов, а в апреле - июне, исход русской революции был бы не большевистским. Если бы белогвардейцы изначально шли за эсерами, они бы победили. Если бы эсеры объединили народные восстания, они бы победили.

Поколение эсеров давно ушло побежденное, но победитель – большевизм в итоге 70 лет яростных усилий и чудовищных жертв “другого пути” оказался нежизнеспособным, рухнул и сам в который раз свернул на эсеровскую программу. Оказывается, она обречена на победу.

Хотя и поныне не вполне реализована – по натворенной ими же бюрократизованности страны и недостатку экономической и демократической культуры.

Ничего лучшего не было и нет. Остальное – утопии.

Эсеровская программа утверждалась в обществе вопреки слабостям самих её адептов и ожесточенному сопротивлению её противников, как из белых, так и красных. Она торжествовала вопреки всем первоначальным победам её противников, просто силой своей необходимости обществу

Вот что такое **необходимость** – граница свободы. И вот как тяжелы бывают кары за непочтение к этой незримой царице общества.

* * *